

Ольга Рыкова

**Я ОБЪЯВЛЯЮ
ДЖИХАД...**

Простая повесть о не очень
простых вещах

Ольга Рыкова

**Я объявляю Джихад... Простая
повесть о не очень простых вещах**

«Издательские решения»

Рыкова О.

Я объявляю Джихад... Простая повесть о не очень простых вещах
/ О. Рыкова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-834344-5

Очень простая повесть о том, что все понимают неоднозначность всего происходящего в мире, но никто не хочет ничего менять, мы привыкли не замечать чужой боли, мы живем в мире собственных иллюзий и предрассудков. Предлагаю читателям два развития событий. Каждый решает сам для себя, в какой реальности он находится.

ISBN 978-5-44-834344-5

© Рыкова О.
© Издательские решения

Содержание

Ночь с 13 на 14 ноября 2015 года	6
14 июля 2015 года. Около часа дня	7
Далиль и Азат	15
10 июля	16
11 июля	18
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Я объявляю Джихад...

Простая повесть о не очень простых вещах

Ольга Рыкова

Джихад у мусульман: предписанная Кораном священная война против иноверцев с целью распространения ислама; газават. (Инф. из интернета).

«Будь счастлив в этот миг. Этот миг и есть твоя жизнь».
Омар Хайям – восточная мудрость.

**ВСЕ ПЕРСОНАЖИ ВЫМЫШЛЕНЫ, ВСЕ СОВПАДЕНИЯ
С РЕАЛЬНЫМИ ЛИЧНОСТЯМИ АБСОЛЮТНО СЛУЧАЙНЫ.**

© Ольга Рыкова, 2016

© Елизавета Святославовна Шмурыгина, иллюстрации, 2016

ISBN 978-5-4483-4344-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Ночь с 13 на 14 ноября 2015 года

Я лежала и долгое время в голове прокручивала этот день. Сначала и сначала с самого утра. Что-то было не так в этот день, что-то ускользнуло из моего сознания, и это, мне казалось, было очень важным. Отчаянно ныла голова. Я пыталась вспомнить все детали, все, что произошло в этот день, от начала и до конца.

В шесть часов прозвонил будильник. Я открыла глаза и сразу почувствовала боль в спине. «Господи, есть же, наверное, на Земле люди, у которых не болит и не затекает по ночам спина», – это были мои первые мысли в тот день. Я повернула голову, Гаспар еще спал или делал вид, что спал, я не знаю.

Гаспар – мужчина, который подцепил меня полгода назад около магазина Шанель на улице Комбон. Да, именно подцепил, иначе это никак не назовешь.

14 июля 2015 года. Около часа дня

Я стояла и разглядывала витрину, в которой было выставлено идеальное красное платье из последней коллекции. Я залюбовалась им и полностью отключилась от внешнего мира, погрузившись полностью в свои мысли. Со мной такое происходит постоянно. Я смотрела в витрину и думала, что вот она, идеальная одежда для идеальных людей, которых не существует. У меня никогда не было денег на такое платье, и я никогда не захожу в дорогие магазины, какой смысл туда заходить, если все равно ничего не купишь? Эта привычка выработалась у меня еще с тех пор, когда я сама работала продавцом, и меня очень раздражало то, что многие люди приходят туда, как в музей, задают кучу вопросов, все пересмотрят, перемеряют и все равно ничего не купят, даже если это им подойдет. Это бесило меня ужасно!

Но даже если бы и были деньги, зачем мне платье, которое я никогда не надену, просто некуда его надеть, в провинциальном и промерзлом Мурманске платье от Шанель – просто смешно!

Да и фигура для такого платья должна быть идеальная, коей я никогда не отличалась, да и хорошо бы быть помоложе... Хорошо быть молодой и красивой. Хорошо быть идеальной и носить божественные платья. А я не идеальна ни снаружи, ни внутри... Люди не могут быть идеальными, не могут и не должны. Наверно, поэтому они любят себя окружать красотой. Идеальные вещи для неидеальных людей – вот где истинная гармония.

Я стояла и думала обо всем этом. И вдруг откуда-то, словно издалека, услышала французскую речь, мужчина стоял около входа в магазин и заговорил со мной. Я немного знаю французский, но понимаю его, только когда со мной разговаривают, как с трехлетним ребенком – солнце теплое, трава зеленая, дождь мокрый и в таком роде. А когда люди говорят быстро, и я не вижу их лица, то я слышу просто какую-то кашу из какофонии звуков с ярко выраженным р-р-э. Я повернулась к нему и сказала:

– Бонжур.

Он улыбнулся, симпатичный молодой мужчина лет двадцати пяти с ясными глазами и открытой улыбкой. «Таких обычно печатают в журналах», – подумала я.

– Бонжур. Почему вы стоите на улице? – насколько я смогла понять, спросил он.

Я на ломаном французском начала объяснять, что просто стою тут и смотрю на платье.

– Откуда вы? – спросил он.

– Из России.

Он засмеялся и заговорил со мной на самом моем любимом языке – конечно, на русском!

– Смешно, когда я увидел вас, то подумал, что вы местная.

– Ну да, конечно, разве тут есть местные? В это время тут одни туристы, а местные все на работе.

– Почему? Я вот местный, – он опять засмеялся.

– Как местный? Вы же русский?!

– Ну да, моя мама вместе со мной переехала сюда в девяносто втором.

– Да? И сколько вам было тогда? Год или два? – спросила я.

Он опять засмеялся.

– Нет, мне было девять.

– Ага, а я закончила среднюю школу в девяносто первом, и мне было семнадцать, ага, многовато мне тогда уже было.

– Почему вы не зайдете внутрь?

– Куда?

– В магазин?

– Нет, мне там нечего делать.

– Но вам же нравится платье? Вы же на него смотрите?

– Да, но я не могу его купить, и мне оно не нужно.

– Если вам не нужно платье, зачем вы сюда пришли?

– Не знаю, просто гуляла. Шла мимо, увидела платье, вот и все.

– Ну, раз вы столько простояли, глядя на него, значит, вам нужно его примерить.

– Нет, оно мне не подойдет.

– Оно подойдет вам, я уверен, – сказал он. – Давайте на спор, если оно вам подойдет, то вы сходите со мной куда-нибудь. Если нет, то я куплю вам сумку из этого магазина, любую, на выбор.

«Какой на фиг еще на спор!» – подумала я, но сказала:

– Сумки здесь стоят целое состояние!

– Да, но сумку я могу себе позволить, а платье из новой коллекции, конечно, дорого-вато, – он опять засмеялся.

Я стояла, и в голове моей отдаленно пронеслось: «Что?! Какого черта ему надо? Мне сорок лет, я совершенно обычная женщина, заурядной внешности, а он выглядит как голливудский актер со своей обескураживающей улыбкой, и это походило на развод». Но мозг мой внезапно отключился, и я сказала:

– Идет!

Он опять засмеялся, и мы вошли вовнутрь.

В огромном светлом фойе до сих пор жил дух Габриель, здесь был ее запах, ее воля, ее стиль, ее бесконечное одиночество. Внушительная лестница с черными воздушными перилами уходила вверх и притягивая к себе, маня в святая святых, в ее комнаты, в ее ателье. Хоть бы раз побывать там.

Как жалко, что ее одежда стоит так дорого. Мы свернули от входа налево и оказались в мире совершенства. Глаза разбежались, я не могла сосредоточиться. К нам быстро подошла девушка-богиня с бесконечно длинными ногами и выразительными ярко-синими глазами. К моему великому изумлению, она тоже заговорила по-русски, предварительно одарив нас обворожительной улыбкой.

– Гаспар, привет!

– Привет, Аннет!

– Тебя давно не было видно.

– Я был на съемках.

– Новая коллекция?

– Да.

И понеслось щебетанье о том, как прошли съемки, и всякая подобная ерунда.

Я отметила про себя, что оказалась совершенно права, он или актер, или модель, а потом мой взгляд опять переместился на девушку, и я подумала о том, где же находится эта фабрика по выпуску этих инопланетных существ неземной красоты.

– Аннет, мы хотим померить это платье, – и Гаспар указал в сторону витрины.

– Вы хотите померить? Ты что, с ума сошел! Новая коллекция – пятьдесят тысяч!

– Слушай, давай мы примерим быстро и уйдем.

– Нет! Тебе оно не по карману.

– Давай, снимай его с манекена ради нашей старой дружбы.

– Оно не подойдет ей по росту, – сказала она, глядя на меня, – оно на метр семьдесят, не меньше.

– Подойдет, видишь, она на каких каблуках.

Спор не был недолгим, Гаспар... (что за имя-то такое дурацкое, нет, для француза нормальное, но для русского!) улыбнулся, и Аннет оттаяла как-то сразу.

Я зашла в примерочную, размером, наверное, с мою двушку, и начала раздеваться.

– Вам помочь?

– Нет, я сама.

– Только аккуратно, пожалуйста, – умоляющим голосом прошептала королева красоты Аннет.

Я услышала, как Гаспар спросил у другой девушки на французском, нет ли у них шампанского для клиентов, что она ответила, я не услышала, я стояла и оценивающе смотрела на себя в зеркало. Да, в моем возрасте основная масса женщин лучше выглядят в одежде, и я в их числе, я стояла и думала: «А что если я захочу заняться с этим парнем сексом, и он увидит мои растяжки на груди и животе, и вообще, блин, что за дурацкое дешевое белье на мне! Ведь у меня есть один комплект дорогого хорошего белья, так сказать, для особых случаев, но почему же я его не надела-то сегодня, вдруг сегодня как раз такой особый случай». Но белье – это как проклятие, такое же, как презервативы, если ты возьмешь их с собой на свидание, будь уверена – секса не будет, также и с бельем. Я надевала свой нарядный комплект несколько раз, и всегда мимо.

«Футы! О чем это я? Какой на хрен еще секс, он, наверное, по возрасту мог быть моим сыном, если бы я его родила лет в шестнадцать. Просто у меня слишком давно не было секса, вот мозг и рождает безумные фантазии», – решила я.

Платье не подошло, конечно.

Аннет была права – на таких коротышек, как я, платья не шьют. Размер был почти впору, но моя грудь, хоть она и небольшая, угрожающе выпирала, рост безнадежно лежал гармошкой на полу. Каблук не спасал моего жалкого положения.

– Да, немного не подошло, – улыбнулся Гаспар, – выбирай сумку и пошли.

Я сначала уж было смалодушничала, решив не наказывать парня деньгами за его добродушие и открытость.

Но мгновение спустя, я подумала: «Да какого черта! У меня никогда не было и не будет такой крутой вещи». И выбрала самую дешевую.

Мы вышли.

– Кстати, меня зовут Гаспар, – сказал он и с улыбкой протянул мне левую руку для приветствия.

– Я, кстати, Ольга, – сказала я и протянула ему свою левую в ответ. – Почему ты здороваешься левой рукой?

– Мне так удобнее, я левша, да и кто вообще решил, что надо здороваться правой?

– Это точно, – засмеялась я. Забавный мальчик, я пожалела, что платье не подошло, и я выиграла спор, лучше бы проиграла и сходила куда-нибудь с ним вместе. Хотя о чем это я опять? Куда мне с ним идти – старая кляча, надеть даже нечего, из приличного этот брючный костюм да джинсы еще есть, которые надеть не стыдно, а так все остальное китайское барахло.

– Пойдем, выпьем кофе и съедим по круассану, – вернул меня в реальность голос Гаспара, – здесь недалеко есть хорошее кафе, и там немного народу обычно в это время.

– Пошли, – мимодумно ответила я, глупо разглядывая белоснежный бумажный пакет с логотипом, в котором лежала нечестно заработанная мною сумка, нечестно потому, что я сразу знала, что платье слишком длинное. Гаспар, как мужчина, просто не заметил этого.

В кафе было действительно немногочленно, в Париже вообще как-то этим летом было немного туристов. После теракта в Шарли седьмого января люди не очень, видимо, захотели приезжать в город любви, и потом в городе как-то меньше стало романтики, что ли, а может, ее и не было особо никогда, люди любят придумывать себе любовь к городам, к машинам, к вещам.

Я была в Париже в первый раз, мне трудно судить, как было раньше и как сейчас. Но перед поездкой я посидела на форумах, почитала отзывы, сделала для себя кое-какие

выводы, но не больше, надо самой смотреть и самой чувствовать, что происходит, и из своих ощущений складывать в голове тот или иной образ города. И все-таки «меньше стало слышно французской речи» – как написал в своем блоге один из путешественников. Так и есть, больше арабский и еще неведомые моему сознанию языки перемешивались с загорелыми лицами их обладателей и непривычными нам европейским женщинам липкими взглядами.

В том районе, в котором была гостиница, где я арендовала на две недели номер, было очень много таких людей. Одиннадцатый и десятый округа вообще славятся плохой репутацией. Наш отель был на границе этих округов, но относительно дешевая цена и близость метро определяла мое географическое местоположение в данном городе, к тому же там не рекомендовали выходить поздно на улицу, а мы в десять уже ложились спать, да и, как говорят, – «не так страшен черт, как его малюют». На мой взгляд, вполне прилично, улочки, кафе, бутики, Париж как он есть, только не так дорого, как в центре. А то, что много разных национальностей на улице, так я воспитывалась в советское время. А тогда, как известно, все люди были братья, да и Россия многоконфессиональное государство, мы привыкли так жить – все разные, и все вместе.

И все-таки, когда молодые загорелые мужчины бросают на тебя этот непонятно приторно-животный взгляд, от него хочется спрятаться или обтереться влажным полотенцем, хочется надеть на себя паранджу.

– Слушай, а что за странное имя-то у тебя? Ты же русский, что это такое – Гаспар? Что за Аннет? – спросила я.

– Да я Игорь – Гарик, по-французски Гаспар, так легче. Игорь им неудобно выговаривать, – улыбнулся, и его глаза как-то весело заиграли на солнце.

– А Аннет?

– Это Аня.

– А-а-а, тогда понятно. Вы с ней давно знакомы? – не зная, зачем, спросила я.

– Да, как-то познакомились на одной вечеринке, она тогда все еще мечтала стать моделью, вот и старалась быть повсюду где только можно, лишь бы ее заметили.

– И что, не заметили? Она-то вроде девица видная, – сказала я.

– Ага, заметили, один старый и толстый «господин» наобещал ей золотые горы, ну, и как обычно, она осталась беременная, а этот француз так и остался женатым, да и помочь он ей с карьерой модели ничем не мог, так как и был, по сути, никем, так, пустышка с небольшими связями, но с деньгами. Хорошо хоть подруги ей помогли, им повезло больше, чем ей, дали денег на аборт, здесь это дорогое удовольствие, и помогли с работой.

– И что же она больше не мечтает о модельном бизнесе?

– Да мечтает, наверное, но я ее давно нигде не видел, кроме как на работе.

– А ты, значит, модель?

– Ага.

Как-то само собой мы вдруг перешли на ты.

– Не самая мужественная профессия, – сказала я и сразу пожалела, увидев, как его глаза немного повзрослели.

– Да, я хотел стать режиссером, даже учился, но толку никакого, не мое, видимо, это. Да и так проще, я с детства крутился в этом бизнесе, с мамой ходил на всякие кастинги, показы, она была, так сказать, из мира моды, в советское время работала манекенщицей у Зайцева, красивая была и очень мечтательная, думала, тут ей светит крутая карьера, продала квартиру в Москве, машину, и мы приехали сюда.

– Трудно было?

– Да по-разному, несколько лет мы прожили в центре, пока мама жила с одним дизайнером. Я язык учил, она участвовала в нескольких его показах, но потом они расстались, и мы

переехали на окраины в пригород, тридцать километров отсюда, там Диснейленд недалеко, я там после школы аниматором иногда подрабатывал. Так там уже и вспоминать не хочется, как жили, мама постоянно моталась в город и таскала меня с собой. Три раза замуж выходила, так, с переменным успехом, то пусто, то густо. Я часами ждал, пока она встречалась с очередными своими любовниками или проходила кастинги в кино или на модных показах и выставках. Там меня и заметил один ее друг, когда мне было шестнадцать, и пристроил меня в модельный бизнес, так с его легкой руки я и стал моделью.

– Заметил и пристроил друг? Так ты что, голубой, что ли?

Он засмеялся:

– Да нет. А что, мужчины-модели все голубые?

– Да нет, я на самом деле так не думаю, – замаялась я, опять пожалев, что ляпнула какую-то ерунду. – Слушай, ну ладно, давай начистоту, ты чего ко мне привязался около магазина, я ведь не красотка, мимо которой не пройти, да и по возрасту тебе не подхожу.

– А сколько тебе?

– Сорок один.

– Ни фиги себе! Я думал тебе лет тридцать – тридцать пять, – сказал он и как-то извиняюще опять улыбнулся. – Да я и не знаю, просто что-то притянуло к тебе, может, у тебя внутри магнит?

«Да, мощный комплимент, – подумала я, – но я осознаю реальное положение дел, и выгляжу я, может, и не на сорок, но уж и не тридцать, это точно».

– Да, конечно, магнит, как же, если бы у меня был этот магнит, то от меня бы два года назад не ушел муж к молодой профурсетке, – сказала я и сразу же пожалела. Вот! Опять! Зачем я ему сказала про мужа? Теперь он будет думать, что я несчастная брошенная стареющая женщина, и будет думать, что я обожаю Стаса Михайлова... Так, подождите, он уехал в девяностых еще ребенком, он понятия не имеет, кто такой Стас Михайлов.

– А ты знаешь, кто такой Стас Михайлов? – зачем-то вдруг вслух спросила я.

– Нет, а кто это?

– Да так, никто, певец один.

– Нравится тебе?

«Ты что, с ума сошел! Что в нем может нравиться! Это ж просто ужас какой-то, как вообще это может кому-то нравиться?» – подумала я про себя.

– Да нет

– Тогда почему ты спросила?

– Да я не знаю, просто что-то подумалось, вот и спросила.

– Ты смешная! – сказал он, и снова эта обезоруживающая улыбка.

– Я «Металлику» люблю! – сказала я в продолжение разговора.

– О, я тоже, а тебе какая песня больше нравится?

Я задумалась о том, какая же, ведь их так много хороших, да и как сказать то название по-английски, ведь после изучения этого языка в школе у меня создалась полная непроницаемая блокировка к восприятию и произношению английских слов вслух. Вдруг неправильно скажу? И учительница поставит мне двойку.

– Да не знаю, может, та, про то, что ничего не имеет значения... или как там она переводится?

– А, «Nothing else matter», что ли?

– Ага.

– Да, она классная, – сказал он, – а мне «Fade to Black» нравится, знаешь такую?

– Конечно, знаю.

И я начала вспоминать давно забытую мелодию и, посмотрев в глаза своего случайного собеседника, вдруг отчетливо услышала голос Джеймса Хэтфилда, который напел мне:

«Кажется, жизнь покидает меня. Каждый день уходит бесповоротно». И изменилось как-то все вокруг. Звуки, запахи, голоса... Птица запела в центре города, шум машин куда-то растворился, запах свежего хлеба перемешался с запахом шоколада и цветов. Я вспомнила свой выпускной и пьяного дружка, который пытался со мной танцевать под эту песню.

Гарик-Гаспар разговаривал с кем-то по телефону, и его французский звучал как-то особенно притягательно, и я поняла – магнит не у меня! Магнит у него!

Парень-официант принес мне моё какао и лукаво улыбнулся, глядя на моего случайного знакомого.

Я закрыла глаза, июльское солнце осторожно припекало щеки, тепло разлилось внутри меня и перемешалось со сладко-горьким вкусом какао.

Я увидела вдруг, как Ремарк гуляет по этим улочкам с Дитрих, как они пьют кальвадос, как их любовь страстна и безнадежна, я слышала, как Хемингуэй скребет за соседним столом карандашом по бумаге, делая какие-то пометки в своем блокноте, а рядом с ним сидит Фрэнсис Скотт Фицджеральд и жалуется на свою жену. А вот около десяти или двадцати лет назад мимо них пробежала Коко, спеша на выступление Стравинского. В мгновение понеслось целое столетие отчаяния, любви, дружбы, предательства, страсти, секса, запахов, эмоций миллионов людей, оставив на этом городе патину романтики. Да, я почувствовала это вдруг.

И из это блаженства меня вдруг выдернул резкий звук моего телефона, и, словно меня окатили ведром холодной воды, я подпрыгнула на месте от неожиданности. Я вернулась в реальность и вспомнила, что в гостинице меня ждет моя четырнадцатилетняя дочь! Господи, что ж я за мать-то такая! Я ей даже не позвонила, не спросила, как дела, сколько мы просидели здесь, часа два, еще эта примерка дурацкая! Час, может, больше, я же обещала вернуться к четверем, не позже. Я судорожно посмотрела на часы. Фух! Два часа дня только, значит, в общей сложности не больше часа прошло с тех пор, как я устала на платье.

– Аллё, Даша, что-нибудь случилось?

– Да нет, мам, вечно ты кипишь наводишь, я просто хотела спросить, может, тебе там попался анимешный магазин?

– Анимешный? Да нет, не попался. А что ты хотела? Вроде мы только месяц назад заказали тебе по интернету дакимакуру и манги, которые ты хотела.

– Да я тут подумала, мне футболка с Саски нужна.

– Футболка с Саски? Ладно, я сейчас посмотрю в интернете, может, тут есть что поблизости анимешное.

– А ты через сколько приедешь?

– Буду, как и обещала, к четверем.

Гарик с удивлением смотрел на меня.

– Кто этот Саски? С которым тебе нужна футболка?

– Да это не мне, это дочке. Это персонаж из японского аниме «Наруто».

– Ты случайно не знаешь, где-нибудь поблизости есть такой магазин для любителей японской субкультуры?

– Нет, не знаю, слушай, мне надо ехать, у меня в три встреча в другом округе города. А ты в какой гостинице-то остановилась?

– В «The Element Hotel», три звезды, на улице Экс, это недалеко от станции метро, – начала я...

– Ладно, не объясняй, найду – навигатор в машине есть. В девять вечера подъеду, выходи на улицу, поедем потанцуем и выпьем шампанского.

– Так сегодня вторник, какое веселье, или в Париже люди вообще не работают?

– Сегодня праздник – День взятия Бастилии, все празднуют, надо веселиться.

– А, праздник, ну ладно тогда, – сказала я.

– До вечера! – сказал он и быстро поднялся, достав из кармана купюры, бросил на стол тридцать евро и быстро скрылся за поворотом. За поворотом.

– Вот тебе и поворот, – пробормотала я себе под нос. Я еще немного посидела, разглядывая купюры в десять и двадцать евро, лежащие на столе, и так не съеденные два круассана.

Какие танцы! Господи, я что, схожу с ума в этом городе? Да, я, конечно, приехала, чтобы развеяться немного и набраться новых впечатлений, побродить по улицам, посидеть в уличных кафе, и, конечно, я приехала есть вкусный сыр и хлеб, которого больше нет нигде в мире. Но танцы! С парнем, который младше меня! А насколько он меня младше? Я начала судорожный подсчет в уме, так, в девяносто первом ему было девять. А сейчас две тысячи пятнадцатый. Сколько? Сколько ему? Боже, не могу сложить эти дурацкие цифры, или это в девяносто втором ему девять, так, минус год, сколько – тридцать? Тридцать один? Никогда не дружила с цифрами, в голове жуткая каша, ладно, приеду в номер, посчитаю в столбик на бумажке. Я встала из-за столика.

Так, надо двигаться в сторону метро, а, кстати, в какой оно стороне? Где я? Так, спокойно, мы шли по улице Cambon, потом свернули на Сент-Оноре, а потом что? Свернули или шли прямо? Куда идти-то? Топографический идиотизм во мне присутствует, как и у многих других людей на Земле. Ладно, дойду до перекрестка, там спрошу.

Солнце припекало, и мне стало жарко, а может, жарко и не от солнца, от волнения, что я в чужом городе, в чужой стране, практически не зная языка, стою и не знаю, куда идти. Налет романтизма сняло как рукой.

Так, мне надо на улицу Риволи, а там я уже найду метро, может, где и ближе есть станция, но мне об этом было не ведомо, и я остановила прохожего, по виду местного, и на ломаном языке, запинаясь, спросила, как мне пройти на улицу Риволи? Он от меня шарахнулся, как от чумной, на каком-то из восточных языков мне что-то ответил и умчался прочь. «Понаехали, блин, тут!» – посмеялась я про себя и подошла в пожилой элегантной даме со своим вопросом, она, к счастью, меня поняла и приветливо начала мне что-то долго объяснять, из всего, что она мне сказала, я поняла ответ только по направлению ее руки. Вообще, когда у меня появилась возможность путешествовать, я поняла одну простую вещь – не надо знать много языков, чтобы нормально общаться в чужой стране, надо знать всего несколько необходимых для элементарного общения фраз на английском или на местном, все остальное можно прочитать по жестам и мимике, надо только научиться смотреть, и в незнакомой обстановке, там, где никто не говорит на вашем родном языке, все эти чувства необычным образом обостряются, и ты начинаешь улавливать какие-то невербальные жесты, знаки, эмоции; язык тела гораздо красноречивее речевого аппарата.

Я поблагодарила эту прекрасную женщину за ее обстоятельное объяснение и направление нужного мне движения. И поспешила в указанную сторону, минут через пятнадцать я оказалась на улице Риволи и направилась к метро.

Так, метро – это еще один стресс для незадачливой туристки вроде меня. Схема парижского метро для человека, который был только в питерском, вещь совершенно непостижимая, благо дело, что до станции Concord от станции Goncourt ехать только с одной пересадкой, а то я никогда бы так и не побывала в центре Парижа. Так, мне на буро-коричневую одиннадцатую ветку, сажусь я на желтой ветке, так, четыре остановки, на пятой выхожу. Станция Хотел де Вилл – пересадка, и еду домой, всего ехать минут тридцать пять-сорок. Сичу разглядываю пассажиров, кого только нет. Странная женщина с коричневым от алкоголя лицом в вязаной шапке что-то жует и бормочет себе под нос. «Прямо как у нас», – подумала я. И отключилась от всего происходящего вокруг меня, вообще природа наградила меня необычной особенностью – умением абстрагироваться от всего в нужный и ненужный момент. И в тот момент, когда я ухожу в другую реальность, мой мозг не отключается. Он начинает судорожно что-то вспо-

минать, проигрывать какие-то ситуации снова и снова, фантазировать, думать, причём думать о вещах совершенно несвойственных среднестатистической русской женщине. Вот открылись двери вагона, а за ними и вернулась моя память с угрызениями совести, блин, про анимешный магазин я-то забыла, да вряд ли он и был там в центре, но совесть все же мучает, как-то стыдно, мама потеряла совсем разум, увидев голубоглазого шатена приятной наружности. Да, я никудышная мать. Мало того, что потащила свою дочь в этот «дурацкий Париж» – это с ее слов, конечно, – так и еще футболку забыла с Саски купить, ладно, скажу ей, что, когда вернемся через неделю домой, закажем по интернету.

Сейчас странные дети, они целыми днями сидят в компьютерах, не ходят гулять, дружат только в социальных сетях, блоги, аниме, ютуб – все это вымышленные миры, расширяющие сознание, но ограничивающие реальное ощущение действительности. Но если задуматься, мы были такие же, только мы расширяли свой кругозор, читая книги, путешествуя в другие миры вместе с Уэлсом и Беляевым, погружались в атмосферу Аляски с Джеком Лондоном, растворялись в «Портрете Дориана Грея». Все так, да не так, они другие, они умнее и лучше нас, так и должно быть, в этом, наверное, и есть смысл эволюции.

Моя дочь, в отличие от меня, очень уравновешенная и сознательная девушка, ей с легкостью дается английский, который для меня так и останется навесегда непокоренным Эверестом, она хорошо учится в школе, хорошо рисует, хорошо танцует, только вот ездить никуда не любит, и это стало для меня, человека, который не может больше полугода усидеть на одном месте, большой проблемой.

Оставить её одну я не могу в силу ее несовершеннолетия, да и, если она будет не со мной, это путешествие превратится для меня в каторгу, я буду постоянно думать, что с ней что-то случилось. Где она? Что делает? Что ест и когда легла спать? Вообще я думаю, что с появлением детей все женщины так же, как и я, приобретают паранойю, что что-то нехорошее вдруг вот-вот произойдет с вашим ребенком.

У ее отца уже другая семья, и только что родился ребенок, поэтому там она просто никому не нужна. Моя мама умерла два года назад. Родственников у нас близких больше нет, а далеких я и не знаю толком, да и живут они далеко.

Вот и приходится ее уговаривать за несколько месяцев до каждой поездки в отпуск.

Ну вот, моя станция, куплю в ближайшем магазине какой-нибудь еды и побреду в гостиницу.

Мне нравятся французские продуктовые магазинчики, где можно купить, по нашим меркам, совсем недорого приличный сыр, неплохое вино и много всякой вкусной всячины, не заплатив за это непомерные деньги. Правда, Париж – дорогой город. Несколько лет назад, когда Дарья училась в начальной школе, мы с мужем ездили путешествовать по Европе на автомобиле и останавливались, в совершенно замечательном городе Реймс, так я и представляла всегда себе Францию – тихие улочки в центре, никто никуда не спешит, уличные кафе на Площади Друэ-д'Эрлон, яркие трамвайчики, аппетитные кондитерские, французские женщины, неизменно курящие на ходу, и, конечно же, грандиознейшее сооружение готической архитектуры – Реймский собор. Там я чувствовала себя умиротворенно, как будто попала в мир, где не бывает ничего плохого, и эта иллюзия запомнилась мне надолго. Гуляя по улицам и жуя хрустящий багет, я думала, что если и жить где-то, то, наверное, лучше всего здесь.

А в Париже для меня слишком много приезжих, суеты и чувствуется все время какая-то нервозность в воздухе, это мое личное первое ощущение, в тот момент, когда таксист привез нас в десятый округ, мне так показалось, пока на следующий день утром я не забрела в уютное полупустое кафе недалеко от нашего отеля. Тогда я впервые по-настоящему вдохнула воздух этого города.

Далиль и Азат

Я вышла из метро и обратила внимание, как молодая женщина-азиатка вызывающе, с неприязнью бросила взгляд на меня, а потом на пакет с известным логотипом. Ой, я совсем забыла про сумку, надо ее спрятать в обычный пакет. А то, чего доброго, не донесу до гостиницы, еще по голове дадут, ну, я же читала в интернете, что в этом округе могут. С этими пугающими меня мыслями я вбежала в магазин, взяла что-то быстро из еды и засунула все в полиэтиленовый пакет вместе со своей неожиданно появившейся первой и последней дорожной сумкой.

На выходе из метро стоял лоток на колесах с небольшим полосатым навесом, и от него тянуло одурманивающим ароматом восточных специй, и в перемешанной какофонии запахов было невозможно уловить что-то более или менее ярко выраженное, там было все перемешано так, что человек, обладающий тонким обонянием, мог сойти с ума. Я никогда не покупаю специи на таких развалах и лотках, в этом нет смысла – они либо уже выдохлись, либо настолько смешались с другими ароматами, что, покупая черный перец, вы рискуете испортить суп вкусом корицы.

Вот финики – другое дело, их покупать лучше всего здесь; полежав несколько часов на солнце и свежем воздухе, на мой взгляд, они становятся еще вкуснее. Финики, как же я могла забыть про них. С тех пор как я пытаюсь сидеть на диете, они стали для меня просто спасательным кругом во время приступов, побуждающих меня сожрать что-то сладкое.

Я заметила эту палатку в первый же день своего приезда и вот уже целую неделю каждый день после обеда прогуливалась сюда, чтобы за восемь евро купить себе стаканчик фиников, два можно было купить за четырнадцать, но купить два означало для меня съесть их в один присест и окончательно забыть о стройности фигуры. Мы делили этот стакан на двоих с дочкой, и уже назавтра я снова бежала к Далилю.

10 июля

Первый день в Париже я была сама не своя, то ли перелет сказался, то ли что в обещанных на сайте гостиницы апартаментах экономкласса не оказалось кофеварки, да и интерьер номера оказался чересчур красным, на фото это казалось довольно стильным, а на деле это был ад, где преобладал малиново-красный оттенок, совершенно разьедающий мой мозг. Но самое важное для меня, что было чисто и не заставлено мебелью, и воздух в обеих комнатах был свежий и прозрачный, там было чем дышать – это главное. Мы наспех распаковали чемоданы, перевели часы, переоделись и вышли прогуляться.

Было немногочисленно, даже пустынно, не увидев ничего интересного, мы решили идти в сторону шумной улицы и дошли до метро.

Ветер еле шевелил края ткани на навесе, под которым стоял пожилой мужчина с испещрённым морщинами лицом и глубоким отстранённым взглядом, который уходил в неведомые глубины его сознания. Лицо его было спокойно и безмятежно, словно про себя он читал какие-то неведомые всему миру мантры, несущие в себе кладёшь жизненной мудрости.

На востоке особое почитание к пожилым людям, отцам, дедам, матерям. Там вы не услышите от сына фразу типа «Да пошли вы на хрен, задолбали уже!» – адресованную родителям. Это кажется почему-то мне очень важным и навсегда утерянным для нашего среднестатистического европейского человека. Моя дочь при любом удобном случае считает возможным сказать мне, что я полный отстой в вопросах современной жизни или что-то в этом роде. Мы с ней больше подруги, чем мать и дочь. Правильно это или нет, я не знаю. Но все-таки не могу себе представить, как бы я своему дедушке, прошедшему всю войну от начала и до конца, сказала типа: «Отвали со своими советами».

А моя Дарья запросто так разговаривала со своей бабушкой, когда та еще была жива.

Мы двинулись к палатке.

– Как по-английски финики? – спросила я у Даши.

– Да фиг его знает, ща загуглю.

Подойдя к лотку вплотную, я отметила, что взгляд мужчины совсем не изменился.

– Вы говорите по-английски? – спросила я, сама прекрасно понимая, что я-то не говорю, знаю много слов, но связать их не представляю себе возможным.

Он оживился и сказал: «Да, немного».

Удивительным образом, люди не носители языка всегда понимают друг друга, и им не надо много слов, чтобы что-то понять или объяснить.

Я ткнула пальцем на финики и спросила:

– Сколько?

– Это отличные финик, и мадам! – сказал он и улыбнулся.

Я видела много самых разнообразных улыбок, трогательных и смешных, веселых и вымученно-грустных, несчастных и счастливых, торжествующих победу и скрывающих поражение, искренних детских и лукаво флиртующих. Но улыбки, и от которой у меня пошли мурашки по коже, – нет. Нет, в ней не было ни доли тщеславия или неприязни, нет, просто непомерная глубина глаз сменилась странной энергетикой, бесстрастно смотрящий, он улыбался одним лицом, сосредоточенно и в то же время завораживающе... Меня передернуло внутри, но он мне понравился!

Мужчина, проживший длинную и нелегкую жизнь, познавший, наверное, все тяготы и невзгоды, познавший силу нереальной любви и, может, тысячи разочарований. Он улыбался, но его душа была запечатана семью печатями, и никто не сможет заглянуть внутрь. Если я и представляла себе восточного мудреца, то он выглядел именно так, как этот продавец пряностей.

– Как вас зовут, мадам? – услышала я, но не с первого раза. Даша дернула меня за рукав:

– Мам, ты что, уснула?

– Как вас зовут?

– Ольга.

– Откуда вы?

– Из России.

– О, Россия – это очень большая и сильная страна! У меня есть там друзья. – Я Далиль, – сказал он и, набирая стаканом финики, быстро одернул рукав белоснежной хлопковой рубашки, закрыл татуировку на запястье, выгоревшую арабскую вязь, уходившую куда-то далеко к локтю. Я успела ее заметить, потому что я разглядывала его руки. Я всегда смотрю в глаза, а потом на руки. Я читаю жизнь, угадываю характер, придумываю истории о людях, с которыми встречаюсь в своей жизни.

Узловатые, длинные, но не старческие, подвижные пальцы были очень сухими и очень чистыми. Глядя на это, я подумала, что у меня никогда в жизни не было таких чистых рук, даже после ванны или мытья посуды. Ногти аккуратно подстрижены, не было старческих пигментных пятен, мозолистые руки, которые трудились от начала своей жизни и будут трудиться до последнего вздоха. Такие руки у людей, которые встают в три часа ночи, чтобы делать нам хлеб, у тех, кто выращивает для нас виноград и делает вино, у работников в сапожных мастерских, у сыроваров и кондитеров, поваров и мастеров, делающих ремонт в наших домах. Такие руки у меня всегда вызывали искренне уважение и почтение их хозяину. Трудно было определить его возраст, может, лет шестьдесят, может, больше.

– А вы откуда? – спросила я.

– Я из Алжира, – ответил Далиль.

«Из Алжира», – подумала я. Все, что я знала об Алжире, это то, что он находится где-то в северной Африке, и то, что в шестидесятые годы Алжир был полигоном Франции для ядерных испытаний.

И, кажется, оттуда в Европу привозят финики, а, да, еще оттуда приезжает в последнее время слишком много нелегальных эмигрантов так же, как из Сирии и Афганистана. Я знаю про арабскую весну. Я читала про нее в интернете и смотрела по телевизору.

Я заплатила восемь евро, и мы пошли дальше гулять, поедая на ходу приторно-сладкие восточные плоды.

Потом в номере все еще думая о чистоте и натруженности рук Далиля. Вдруг я вспомнила руки щеголеватого официанта из уличного кафе в Реймсе, он подавал нам меню и блюда с чувством достоинства, присущего, пожалуй, только царственным особам; цепочка от ключей, свисающая из кармана поношенных несвежего вида черных джинсов, казалась мне, аксельбантом из чистого золота! Но его ногти были безнадежно грязными и черного цвета. Потом, вспоминая это, я подумала, что, возможно, он подрабатывает механиком в какой-нибудь мастерской. Но это уже не имело значения, эти ногти останутся в моей памяти навсегда, как запах свежего хлеба или запах шоколада. Это мои первые впечатления от посещения Франции.

11 июля

На второй день нашего приезда мы снова пошли осматривать окрестности нашего 10 округа, на обратном пути, довольные и уставшие, с пакетом круассанов, мы вновь подошли к уличной палатке, но, к нашему удивлению, за ней не было мужчины – восточного мудреца, там стоял взъерошенный громкий и много жестикулирующий парень с оливковой кожей и густыми ресницами, обрамляющими зазорные глаза, полные жизни и энергии. На нем была ярко-желтая футболка, обтягивающая довольно приличный пресс. На вид ему было лет восемнадцать – девятнадцать. Рядом с ним стояли еще двое мужчин старше его. Один был в плотной флисовой толстовке, для которой явно было жарковато. Мальчик в футболке с особым усердием жестикулировал и поднимал голову гордо вверх, объясняя им что-то на французском и показывая на забинтованную до локтя правую руку. Можно было подумать со стороны, что он тореадор, только что заколовший огромного быка, и он бесконечно горд этим! Его речь была адресована довольно приятному и спокойному мужчине, одетому немного не по сезону.

– Сава, – сказала я подходя. Мужчины, наскоро попрощавшись, быстро ретировались.

– Сава, – ответил он со всей открытостью и великодушием человека, просто кайфующего от того, что он живет.

Я в основном жестами объяснила, что нам от него надо.

– Вы женщина из России? – спросил он вдруг на английском.

– Да.

– Отец мне вчера рассказал, что вы покупали финики, здесь не так много русских, – зачем-то сказал он и замолчал.

– Я Азат.

– Я Ольга, это моя дочь Даша.

– Красивая, сказал он, глядя на неё с веселой бесшабашной улыбкой.

И я подумала, что у него нет этого неприятно-липкого взгляда восточных мужчин, разглядывающих женщин. Наверно, он уже родился во Франции, он уже другой – он француз.

– Сколько вам лет? – спросила я.

– Пятнадцать, – ответил он.

Пятнадцать, на год старше Дарьи, выглядел взрослее, но это обычное дело для восточных юношей. Мальчишки-дагестанцы, которые есть почти в каждом классе у нас в России, тоже выглядят старше своих сверстников.

Даша включилась в разговор, благо дело, ее английский-то в порядке. Они поболтали минут пятнадцать, я их не слушала, я разглядывала людей, выходящих и заходящих в метро.

Потом по дороге домой она рассказала мне, что Азат седьмой ребенок в их семье и самый младший, что у него есть две сестры, одна уже замужем. Другая учится в университете. И вообще, они не бедные, старшие два брата работают в какой-то крупной автомобильной компании, да и все в общем-то хорошо с жильем и работой, просто отец, когда приехал в восьмидесятых, зарабатывал на жизнь, торгуя специями, а еще он делает очень красивую мебель, и ее дорого покупают состоятельные люди. Но с лотком он не хочет расставаться. Говорит, в этом есть своя философия. И Азата заставляет тут работать после школы, а сейчас каникулы, и ему вообще неохота работать, отец ему сказал, что мужчина должен познать всю тяжесть труда, и только тогда он сможет познать чувство настоящей радости.

– Хрень какая-то! Да, мама?!

– Ага, – мимодумно ответила я, тщательно пережевывая финики. – А что у него с рукой, ты не спросила?

– Ой нет, чот забыла. А он симпатичный, да, мам?

– Кто? Азат? – улыбнулась я. – Да, симпатичный.

«Только не влюбись, – подумала я, – а то мы уедем двадцатого, и дома тебя охватит безграничная тоска, а я не буду знать, что мне делать и как тебе помочь». Да и можно ли помочь человеку, испытывающему мучения первой любви. И вдруг в голове у меня возник отчетливый образ моей дочери, одетой в паранджу, в темной комнате с маленькими мутными окнами. Там нет света, нет воздуха, вакуум и безысходность, страх и боль, там нет любви, нет надежды, и сознание не в состоянии принять реальность. Там Джихад. Там идет постоянная война... Вокруг нее куча детей, она качает колыбель, и в воздухе вековая тоска женской доли, доли ждать своего мужчину с войны... Я вижу это ясно и четко, словно я уже пережила это сотни раз.

В России, как и во Франции, люди помнят, что такое война, у нас в стране практически нет ни одной семьи, которой бы не коснулась Вторая мировая (у нас Великая Отечественная) война.

Я отмахнулась рукой от ужасной картинки, возникшей у меня в голове. Ненавижу себя! Ненавижу всех нас за наше узколобое мышление, за необоснованный животный страх, навязанный нам средствами массовой информации, нашими правительствами, нашими предрас-судками.

И перед глазами снова стоит мальчик лет десяти, перерезающий горло заложникам во имя Аллаха, объявляющий всему миру Джихад. Я не смотрю больше телевизор, не потому, что не хочу видеть ужас всего происходящего, мне не надо видеть боль и войну, я ее чувствую каждой своей порой, боль летает в воздухе, она страшнее любого свиного гриппа и болезни Зика. Она пожирает меня изнутри. Я словно хожу по земле без кожи и чувствую чужую боль. Многие с возрастом становятся сентиментальными, я знаю, но я была такой всегда.

– Ладно, завтра спроси, что приключилось с его рукой, – сказала я, и мы вошли в номер.

Я подбежала к Далилю, все еще обнимая свой полиэтиленовый пакет с покупками и доро-гущей сумкой от Шанель.

Поздоровавшись, Далиль молча взял кулек и высыпал туда стакан фиников.

– Где Азат?

– Дома, – ответил Далиль.

– Он сегодня придет? – я глянула на часы, было начало пятого.

Далиль отмахнулся от меня, что-то пробормотав.

Я передала ему монеты, предварительно их подсчитав. Он взял их сухой и твердой рукой, не улыбаясь, глаза его по-прежнему были скрыты пеленой безмолвия.

Я взяла финики и помчалась в гостиницу.

На открывающуюся дверь вылетело огромное и свирепое чудовище в удивительно тще-душном теле, его выпученные глаза, казалось, вот-вот выпрыгнут из орбит. Со страшным лаем и звериным оскалом на меня летел наш чихуахуа по имени Масик. Глядя на то, как он бес-страшно кидается в бой с любыми незнакомцами, я представляю себе ужасно лютую собаку из сказки «Огниво», которую прочитала давным-давно в детстве. «Страшные глазища, как блюдца, вокруг вращаются», – что-то вроде того, там было описано небывалое чудовище в виде собаки, охранявшее то самое огниво. Но, увидев меня, вся мощь его неслышанной отваги сме-нилась тоненьким писком восторга и небывалым выплеском собачьей любви, дающей нам мегатонны энергии.

– Чем занималась?

– Да так, ничем, аниме смотрела, с Настей переписывалась.

– И что там Настя?

– Да сидит со своей сестрой в Мордовии у бабушки.

– Ага, понятно, – сказала я, с невероятным облегчением снимая туфли. Интересно, а есть на Земле женщины, которые не натирают ноги новой обувью? Мне в этом вопросе особенно не повезло, неважно, где и какие, неважно, дорого или дешево, есть данность – если туфли новые, то ногам триндец! И глядя каждый раз на кровавые мозоли, я с упорством камикадзе снова и снова надеваю новые туфли на высоком каблуке и еду обязательно куда-нибудь подальше. Ну, а в центр Парижа я не поеду в кроссовках под угрозой смертной казни – только туфли и самые красивые. Мой бывший муж говорил, что у меня с головой какие-то проблемы, и был прав на сто процентов!

– Тут в пакете продукты, я купила овощи, сделай салатик, поедим с багетом, там еще вчерашний сыр остался, а то я умираю с голода, – крикнула я в другую комнату, – я в душ.

– Ага, мам, ща сделаю, – ответила Дарья.

В душе, смывая пыльный налет энергетики большого города, я вспомнила про Гаспара. Словно уже неделя прошла с тех пор, как мы стояли у входа в магазин. И в моем очищающемся теплой водой сознании прояснилось: боже! Как банально, стареющая женщина и молодой красавец, почти француз. Ну, или по паспорту-то француз, а душа-то наша русская.

Я никогда не любила слащавые женские романы про внезапную любовь и неожиданную встречу или про мучение неравной любви. Я Хемингуэя люблю с его жадной к жизни, мощью мужского сознания и понимания вещей, ну, если и читать про любовь, то только Ремарка или сонеты Шекспира, у Шекспира вся мудрость бытия и страсти заключена в небольших сонетах, и про любовь мне не надо больше ничего. Может, еще рубаи Омара Хайяма, для него в моем сердце есть отдельное потайное место. А тут так вляпаться, Господи, в девять он заедет, «поедем потанцуем», кажется, он сказал, я, конечно, обожаю танцевать, но понятия не имею, как сейчас танцуют и под какую музыку, и что я надену? А ноги что? Идти в кедах? С моим ростом меня кто-нибудь не заметит и об меня споткнется прямо на танцполе. И все-таки я знала, что ровно в девять я буду стоять у входа в гостиницу. Жажда приключений следовала за моей пятой точкой по жизни, как Санчо Панса за Дон Кихотом. Если вам сейчас двадцать, и вы неутомимы в поиске острых ощущений, и вы думаете, что к тридцати вы успокоитесь, будьте уверены – в пятьдесят вы прыгнете с парашютом, если еще не прыгали, конечно.

«Душа не стареет», – как-то давно сказала мне мама. «Не у всех», – отвечу я ей в пустоту. Раньше я, стоя у окна, разговаривала с Богом, теперь разговариваю с мамой.

«И что этот противный Игорь – он же Гарик, он же Гаспар вообще делал около этого несчастного магазина? Что он там делал? Откуда взялся на мою уже немного седую голову? Что во мне такого могло его привлечь?» – снова думала я, стоя перед зеркалом и вытираясь белоснежным полотенцем, пахнущим лавандой. Обожаю Францию за повсеместный запах лаванды.

Бледная прозрачная кожа, под которой видно каждую венку, лицо еще не поплывшее, но уже с признаками усталости, карликовый рост в метр шестьдесят, маленькая грудь, которую я возненавидела сразу после ее появления в шестнадцать лет. Кому вообще может нравиться такая грудь? Ноги как ноги, не толстые, не худые, левая вся в шрамах после падения в юности с мотоцикла моего дружка-дебила, который вздумал меня научить вождению и думал, что я, пятнадцатилетняя девчонка, со своим весом в сорок пять килограмм удержу огромную машину, которая весила под двести.

Пальцы на ногах ужасные, особенно мизинцы – они такие кривые! «Я чудовище! Я – Квазимодо!» – обернувшись полотенцем, с этими «позитивными» мыслями я вышла из ванной комнаты.

– Ну, мама, ты, блин, даешь! – с яростью на меня накинулась Даша, в руках держа брендовую сумку. – Ты что, вообще, что ли? Сама сказала мне, что надо экономить в этой поездке, что тебе ради нее пришлось продать свою машину, и типа не проси никаких больше дакимакур и манг, а сама ухлопала кучу денег на какую-то задрипанную сумку!

– И вовсе она не задрипанная, – тихо себе под нос проямлила я.

Дети вообще всегда считают, что они умнее своих родителей, они могут нас учить жизни, читать нам нотации, о том, какие мы ископаемые динозавры, и что нам надо носить, и что читать, и говорить тише по телефону в общественном месте, а то им, видите ли, стыдно с нами ходить. Ну не могу я тихо разговаривать! Я маленькая и громкая женщина, я кричу в телефон, я кричу дома по поводу и без и завожусь с пол-оборота, но так же быстро меня и отпускает!

Даша другое дело, ее вывести из себя очень трудно, но если уж она начала лекцию, то это надолго.

Я стояла и молча слушала поток нравоучений.

– Вообще не понимаю, что на тебя нашло, ты же у нас противница всяческих брендов. Ты же мне сама всегда говорила, что бренд ничего не значит, что сама Коко никогда не купила бы в своем магазине ничего за такие деньги, что она брала обычную мужскую рубашку у своего любовника и перешивала ее под себя, а свое первое платье она сшила из старого свитера. Ты же мне говорила, что она из ничего делала свой неповторимый стиль, не благодаря туго набитому кошельку, а благодаря ее бесконечному внутреннему миру и чувству меры во всем. И ты мне говорила, что айфон – это говно! Просто успешно рекламируемое и впариваемое поколению людей, воспитанному на доме два и на сериалах и передачах о прекрасной и беззаботной жизни голливудских актеров и всяких там более мелких знаменитостей.

– Да, говорила, – твердым голосом прервала я пересказ несколькими годами ранее сказанных мной наставлений по поводу поколения потребления и потребителей всякого говна. – Может, дашь мне пару минут на оправдание? – улыбнулась я.

Дарья краснела и пыхла, но замолчала.

– Да, – начала я свою оправдательную речь, – то, что я говорила, так и есть, и я живу, четко имея представление о том, что происходит вокруг, и что я говорю и что делаю. – «Правда, не сегодня», – подумала я, вспомнив про сегодняшнюю предстоящую поездку с Гариком, но промолчала. – Ну, во-первых, я эту сумку не покупала!

– А что, ты ее украла? – прервала меня дочь, ехидно улыбаясь.

– Нет, – продолжила я, – мне ее подарили.

– Ага, ну да, конечно, подарили, а мне, наверное, кто-нибудь феррари подарит, – съязвила она и с видом восставшего пролетариата гордо вышла из комнаты, которая была еще по совместительству небольшой кухней.

– Я есть не хочу, – крикнула она, закрывая свою дверь.

Ну вот, опять, отцы и дети – извечная проблема разных поколений. Я села за стол и отломала кусок багета, макнув его в миску с салатом, быстро затолкала в рот, запила молоком и стала убирать со стола.

– Даша, салат в холодильнике, если что, – крикнула я погромче, но была практически уверена, что она меня не слышит, надев наушники, смотрит очередную серию Наруто.

«Может, его выкинуть, этот салат», – подумала я, нет ничего хуже овощного салата, простоявшего несколько часов в холодильнике. Но не выкинула, закрыла миску тарелкой и поставила его в практически пустой холодильник.

Надо пойти немного полежать на кровати и подумать, что надеть вечером.

Наш номер состоял из двух малюсеньких спален, ванной и еще общей комнаты со столом и угловым диваном, с небольшой кухней, где было все необходимое для туристов, которые не ходят обедать и ужинать в рестораны.

Посмотрела на мобильник – начало седьмого. Пошла в спальню.

Растянувшись на кровати, я поняла, что невероятно устала, и что мне не хочется сегодня больше никуда, ноги и моя спина ужасно ныли, я свернулась калачиком, прикрыла одеялом нос, поругала себя за то, что завалилась на подушку с мокрой головой, и глаза мои медленно закрылись, и я провалилась в сон, забыв обо всем.

Запах гари мне внезапно ударил в нос, какое-то удушающее зловоние полностью затянуло маленькую комнату, я стою вся липкая, из моего носа течет кровь, я хочу зажать нос, чтобы остановить кровотечение. Но руки не двигаются, грудь сдавило вакуумом, я не могу сделать вдох, задыхаясь, я опускаю глаза вниз – на мне красное платье, оно все истерзано в клочья, на нем сажа и кровь, но кровь не моя, я это точно знаю, как и то, что это не сон. Платье запутало мне ноги, и я не могу сделать шаг. Стены комнаты раздвигаются, и я вижу воронку в асфальте, повсюду горят свечи и лежат цветы. Темно, я вижу вдалеке Эйфелеву башню – она не горит. И странный приторный запах, я не хочу его вдыхать, я кричу, но из моего горла нет ни звука. Из зияющей дыры выжженного пространства появляется женщина, она реальна и жива, на щеках у нее легкий румянец, она одета в восточную одежду, она очень красива, в одной руке держит оторванную мужскую кисть, вторую протягивает ко мне. Я знаю, что, если я дотянусь до неё, то все закончится, закончится боль и страх, сидящий во мне. Если я дотянусь, то смогу сделать вдох, я стану свободной. Я протягиваю к ней руки, они в крови, в правой руке у меня сумка от Шанель, я протягиваю ее ей. Она ее берет. Её глаза полны жизни и света, она кладет в сумку оторванную кисть. Я урывком вдыхаю немного воздуха и вытираю руки о платье, оно словно из липкой и тягучей патоки, мои руки прилипают к нему. Кровь так и течет из моего носа. Я кричу. Страх и отчаяние не покидают меня, а усиливаются с большей силой, я ору, но нет ни звука, только звон в ушах. И вдруг меня охватывает паника – где Даша? Где она?! Где? «Даша! Даша!» – кричу я неммым ртом. Я ее потеряла в этой крошечной тьме. Эта женщина забрала ее у меня.

Я медленно, тяжело и с тупой головной болью вырываюсь из этого кошмара, мое сознание все еще там, в этом ужасном сне, какой-то придурок сигналил на улице, в открытое окно влетает резкий и пронзительный звук клаксона. «Все так же, как у нас», – думаю я и окончательно просыпаюсь, чувствуя, что моя голова лежит под подушкой. Сигналят снова и снова. Готовая посвятить весь десятый, а заодно и одиннадцатый округа Парижа в тонкости и колоритность русского мата, я подхожу к окну. Внизу стоит около какой-то спортивной серой машины парень в зауженных черных брюках и белоснежной рубашке, застегнутой почти на все пуговицы, кроме самой верхней, у воротничка, на рукавах запонки поблескивают серебром, на нем элегантные туфли темно-синего цвета. Ну, ни дать ни взять, местный Казанова, приехал и сигналил своей подруге. Он улыбается и машет мне рукой,

– Эй, ты там что, уснула, что ли? Уже девять, поехали.

Меня словно ударило молотом по затылку, но быстро отпустило.

– Гарик, я сейчас! – крикнула я ему в ответ и рванула к шкафу за джинсами и за самым моим красивым комплектом белья. Когда я надела свои любимые джинсы «ренглер» (только они сидят на моей заднице идеально) и черную футболку с Джимом Моррисоном, подойдя к небольшому зеркалу напротив кровати, я познала весь ужас и отчаяние моего положения. Мои мокрые волосы благополучно высохли, пока я спала, и сейчас я походила на Анджели Девис российского разлива. На правой щеке была траншея шириной с Суэцкий канал, это в двадцать пять помятое лицо выравнивается минут за пятнадцать, а когда вам за сорок, можно проходить с такой гармошкой пару часов. Я судорожно думала, что делать? Волосы.

– Дарья, дай мне резинку для волос! – крикнула я, выскакивая из спальни.

– Мам, ты чо там с дуба рухнула? Ты куда? – Ее лицо выражало явное недоумение. Она, как зачарованная, протягивала мне резинку в виде спиральки. За два года после развода я уходила вечером от силы пару раз и то к подругам.

– Я в клуб с приятелем сгоняю на пару часов, можно? – спросила я, на бегу выхватывая у нее из рук резинку и залетая в ванную. Так, полотенце, холодная вода, щека держу и проклинаю себя за то, что нет льда, надо обязательно заморозить пакет с водой. Убираю полотенце – ни фиги, нужен холод. Я решительно подлетаю к холодильнику, открываю морозильник и, стоя на носочках, засовываю голову в пустую морозильную камеру, стою так, прислонившись пра-

вой щекой пару минут, острая покалывающая боль резко охлажденных тканей лица заставляет меня вынырнуть на свет божий.

Лиза стоит, скрестив на груди руки, и молча наблюдает за мной.

– Мам, какой приятель?

– Да там вон, под окном стоит, около серой машины, посмотри, – я ей махнула в направлении окна.

Забегаю опять в ванную, смотрю в зеркало, так получше, но щека теперь пылает пунцовым светом. Так, спокойно. Ладно, красная помада. Она мне идет и отвлечет от щеки. Волосы завязываю в тугий хвост, брови быстро подвожу темно-коричневым карандашом – растушевать. Так, дальше, моя любимая бежевая сумка, черные туфли-лодочки на шпильке. «Так, где мой темно-синий приталенный жакет», – судорожно вспоминаю я. А, он в спальне на стуле. Хватаю его. Так, пять секунд на проверку, телефон, паспорт, деньги, карта, пудреница, помада, влажные салфетки и запах. Запах! Чуть не забыла! Брызгаю на волосы вуаль «Шанс». Все, я готова к труду и обороне.

– Я тебе позвоню, – говорю я, подходя к выходу из номера.

– Ключ возьми, а то я спать скоро лягу, – говорит Даша, отходя от окна, – а он не очень молодой для тебя, мам?

– Я тебя с детства учу не мыслить стереотипами! Молодой, и что из того, я же не замуж за него собираюсь.

– Ну а кто тебя знает, – говорит, смеясь, – ты вон какая внезапная.

– Ладно, пока, я через часик позвоню, – говорю я, беря со стола ключи от номера и выходя. – Закрой за мной.

– Мам, замок электронный, дверь сама закроется.

– А, да, я забыла! – кричу ей уже с лестницы.

На город опустилась июльская истома, воздух волшебным образом изменился, где-то далеко играло «Танго Свободы» Карлоса Гарделя, наверное, в кафе на соседней улице. Головная боль, кошмарный сон, мои сомнения и предрассудки остались в гостинице. Мы ехали на небольшой скорости, пересекая улицы, площади и перекрестки, я мечтательно смотрела на огни ночного города, изредка поглядывая украдкой на Гаспара. Запонки оказались темно-синие, в тон его туфель и моего жакета. И я все еще пыталась реанимировать свою щеку, прислонившись ею к стеклу.

– А ты чего спать-то завалилась? Если не хотела со мной ехать, так бы и сказала сразу еще днем.

Я вспомнила наше дневное общение и подумала: «Сказать нет у меня не было ни единого шанса, все произошло так быстро, что опомнилась я, только когда села в вагон метро».

– Да нет, просто легла отдохнуть и подумать, что надеть на вечер, и как-то сразу вдруг уснула. Вот.

– А-а, это тебе во сне, что ли, приснилось надеть такую футболку?

– Футболку, – повторила я вслух и, потрогав ее на груди рукой, засомневалась в том, что мне вообще надо куда-то ехать.

– Ага, крутая!

– Крутая? – неуверенно переспросила я

– Ага, Джим Моррисон был очень крут, – сказал он, на мгновение отвлекаясь от дороги и лукаво улыбаясь, глядя на меня.

Ну да, я-то знаю, что Джим был крут, а он-то откуда, блин, это знает?

– Откуда ты знаешь, ты ж еще тогда не родился?

– А ты что, блин, родилась тогда уже, что ли? – сказал он, громко смеясь.

Да, Моррисон умер от передоза в семьдесят первом, я родилась в семьдесят четвертом – нестыковочка.

Нет, ну что я за дура-то такая, проклятые стереотипы, «если молодой, то слушает всякую херню». Музыка, у которой есть душа, она вне времени и вне поколений, и неважно, в каких вы родились – в семидесятых, девяностых или нулевых. «The Doors» – форева! «Металлика» – форева! Элвис – форева! Джо Дассен – навсегда! Моя дочь в начальной школе обожала Мэрилина Менсона, а в два года отплясывала в памперсе под «Рамштайн», у нее нет никаких шансов на восприятие попсы. До определенного возраста детям нравится то, что слушают их родители, лишь годам к двенадцати у них формируется свой вкус и свое отношение к музыке, но базируется все это на том, что она слышала в детстве. Вкус можно привить, но только делать это надо в раннем детстве. Я с точностью на сто процентов знаю, что моя Дарья не будет слушать российский шансон и пользоваться дешевыми духами, лучше не пользоваться ничем, если нет денег на приличные – я ее этому научила...

Пока мы болтали, я упустила из виду, что мы выехали за город.

– А куда мы едем? – настороженно спросила я.

– К одному моему другу, он живет в пятнадцати километрах от города.

– А в каком направлении мы едем? – почувствовав, как становится немного влажной моя спина, спросила я, хотя прекрасно понимала, что ответ мне ровным счетом ничего не даст. Перед поездкой в Париж я почитала только об округах самого города, а пригород меня не интересовал.

– Там хорошо, тебе понравится, – ответил он, и я окончательно напряглась.

Господи! Что ж я за идиотка-то такая, куда я еду, с кем? Гаспар – это его настоящее имя? Нет, конечно, какой-то Гарик-извращенец и маньяк везет меня в неизвестном направлении за город. Перед глазами стали всплывать все фильмы ужасов про расчленение туристов, про молчание ягнят и что-то там еще про бензопилу.

Меня охватила паника. Даша одна в гостинице, ей четырнадцать, у нее нет денег, карта и кошелек у меня. В номере из еды не съеденный салат и отгрызанный багет, куча сувениров для друзей и билеты на обратную дорогу. Догадается она позвонить отцу, если утром меня не окажется дома? Она ведь останется совсем одна, как она будет жить, что с ней будет? У меня затряслись ноги.

В это время мы подъехали к хорошо освещенному и, как мне показалось, очень старинному кованому забору, двери автоматически открылись, и я приготовилась в ближайшее время расстаться со своей никчемной жизнью.

– Эй, пошли! – выдернул меня из бездны кошмарных картинок, нарисованных моим воспаленным сознанием, голос Гарика.

Он стоял, открыв мою дверцу, и вопросительно поглядывал на меня. Стоял, как обычно, со своей по-детски открытой улыбкой, в левой руке у него дымилась СИГАРЕТА!!!

– ТЫ ЧТО, КУРИШЬ?! – с неподдельным изумлением спросила я.

– Ты по ходу тоже что-то куришь, – весело сказал он. – Я всю дорогу курил, я вообще много курю, тут все много курят, – сказал Гарик-Гаспар.

Я остановилась как вкопанная, забыв про страх быть заживо расчлененной.

– Как всю дорогу? Ты шутишь? Я не заметила. Ты и днем курил?

– Да, – тоже остановившись, немного настороженно ответил он. – Днем я меньше курю, чем вечером, на работе особо не покуришь, сейчас почти везде датчики дыма стоят, а вечером одну за одной.

– Так вредно же, – проямлила я, предполагая в уме, что, возможно, у меня рак головного мозга, и очень скоро я умру.

– Кто тебе сказал такую ерунду? – засмеялся он. – Пошли уже.

Я вдруг услышала где-то за деревьями веселые голоса, которые, словно шумный ручей, журчали мне, что, возможно, расчлененки сегодня не будет. И я увидела, что стою на довольно большой парковке, на которой стояло много красивых машин не известных мне марок.

– Ладно, пошли уже, – сказал Гарик, и я почувствовала приятный аромат от его дымящейся сигареты.

Мы вышли из-за аккуратно подстриженных деревьев, и я увидела довольно внушительный танцпол, играла какая-то современная музыка, люди смеялись, танцевали, разговаривали, пили шампанское. От блеска и красоты всех присутствующих моим глазам стало больно. «Вот он, рай на Земле, – подумала я, – а тот парень с кожей цвета горького шоколада – бог Аполлон. Там, вдалеке, щебечут прекрасные нимфы, запах дорогих духов, красивая одежда». Это был идеальный мир с идеальными людьми, и вокруг будто не существует больше ничего, все счастливы, все смеются, на Земле больше нет войны, нет голода, нет болезней. Это был словно сон. Я посмотрела на свою футболку, заказанную по интернету за тысячу рублей, потом опустила взгляд на свои самые дорогие туфли за сто пятьдесят евро и отчетливо увидела между мной и этим танцполом огромную зияющую пропасть. Прикосновение Гарика к моей руке меня пронзило, словно током, я вздрогнула и очнулась. Молодые люди проходили мимо нас, одна девушка, из тех нимф, что стояли в стороне, громко и мелодично засмеялась, закинув свою белокурую голову назад.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.